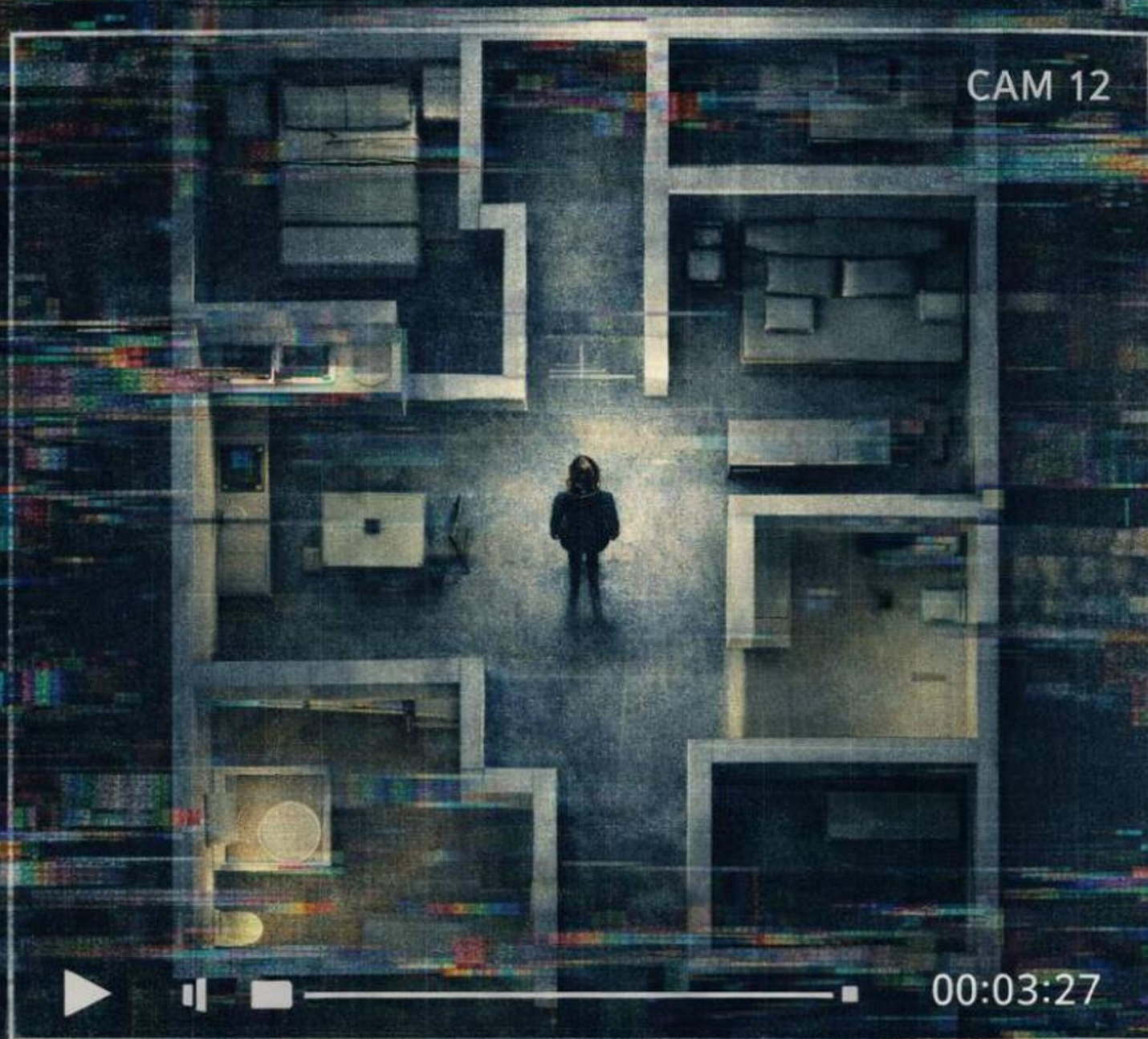

СЦЕНАРИЙ № 12

РЕЖИМ НАБЛЮДЕНИЯ

некоторые сценарии нельзя завершить

ANASTASIA SAVINA

18+

Анастасия Савина

Сценарий №12

«Автор»

2026

Савина А.

Сценарий №12 / А. Савина — «Автор», 2026

Что делать, если твой единственный союзник — твой главный кошмар? После смерти матери Лиза оказывается заперта в пространстве собственного прошлого. Старая квартира встречает её зловещей тишиной и записками о том, чего не может знать никто живой. А за дверью ждет Артём — человек, который утверждает, что он единственный, кто может спасти Лизу от неё самой. Он знает, что случилось в ту роковую ночь. Он уверен: Лиза не та, кем себя считает. В этой игре нет правил, есть только протоколы выживания. Чтобы узнать правду, Лизе придется разрушить всё, во что она верила. Но готова ли она встретить ту, что скрывается в глубине её памяти? Кому верить? Незнакомцу, который нарушает все границы? Или собственному разуму, который начинает давать сбой? Лиза должна сделать выбор. Но самый страшный секрет спрятан не в прошлом, а в её собственном сознании. И дверь к нему уже приоткрыта. Откройте её, если осмелитесь.

© Савина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нарушение	5
Глава 2. Гость	7
Глава 3. Трещины	9
Глава 4. Бумага	12
Глава 5. Провал	15
Глава 6. Запись	18
Глава 7. Наблюдатель	21
Глава 8. Чужое	26
Глава 9. Сценарии	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анастасия Савина

Сценарий №12

Глава 1. Нарушение

Воздух в квартире повернулся на три градуса против часовой стрелки.

Лиза замерла на пороге. Кожа на кончиках пальцев мгновенно стала чужой, колючей, и сумка выскользнула из рук, глухо шлепнувшись на паркет. Она не видела ничего подозрительного. Диван на месте. Книги ровными рядами. Светлый прямоугольник на обоях, где раньше висел папин спиртовой градусник – единственное пятно, не тронутое временем.

Но что-то изменилось.

Она сделала шаг, и тишина в квартире, обычно плотная и пыльная, вдруг отозвалась тонким, едва слышным свистом. Так поет сквозняк в пустом горлышке бутылки. Лиза втянула носом воздух. Старая краска, застоявшийся мох... и под этим – ледяная, острая нота морозного ноября.

«Просто не закрыла дверь на балкон», – быстро подумала она. – «Забыла. Спешила. Бывает».

Но в глубине горла уже *запульсировало* сердце. Она знала, что всё закрывала. Пальцы до сих пор помнили холод металла, когда она до упора проворачивала ручки вчера вечером.

– Ерунда, – шепнула она, и собственный голос показался ей слишком громким, почти вульгарным в этой пустоте. – Ветер разболтал раму.

Медленно пройдя к кухне, стараясь не наступать на скрипучие половицы, она уже знала, что квартира выдала её присутствие. Окно. Оно было приоткрыто – совсем чуть-чуть, на толщину спичечного коробка. Тонкая щель впускала в дом сырость и шум улицы.

Лиза подошла ближе. Взгляд зацепился за деталь, от которой по спине поползли липкие мурашки: задвижка была отведена. Аккуратно, бережно, словно тот, кто уходил, не хотел тревожить сон этого дома. Или хотел, чтобы она заметила это не сразу.

«Я не могла оставить её так», – пронеслось в голове. – «Я проверяла трижды. Или только дважды?»

Она протянула руку к раме, но пальцы задрожали, не долетев до дерева пару сантиметров. Ей вдруг показалось, что стоит коснуться окна – и её пальцы вспомнят чужое тепло, повторят тот самый жест, которым его открывали.

Она резко захлопнула створку, провернула ручку и с силой вбила задвижку в паз. Металл лязгнул так громко, будто она выстрелила в этой мертвой тишине. Лиза замерла, не убирая руки от стекла. Тишина не вернулась – она сгустилась, стала вязкой и выжидающей. Квартира больше не была пустой. Она превратилась в засаду.

Лиза пошла по комнатам, не включая свет, ориентируясь по памяти и тусклым отблескам уличных фонарей. Спальня матери. Всё как тогда. Тот же запах лекарств и старой пудры, те же тени от шкапулки на комод. Лиза не заходила сюда с похорон, и сейчас ей казалось, что воздух здесь застыл, как в склепе.

Дверь в её детскую была приоткрыта – ровно настолько, чтобы оставить узкую полосу тьмы. Толкнув её, Лиза почувствовала, как по затылку пополз холод.

На кровати, прямо на выцветшем одеяле с кроликами, сидела она. Мама Анна.

Старая кукла с фарфоровым лицом и стеклянными глазами, которые и в детстве смотрели не на неё, а сквозь неё, словно видя все её мелкие тайны и страхи. Лиза ненавидела её, а в семнадцать лет собственноручно засунула в самый дальний угол антресоли, под груды старых пальто, надеясь похоронить там и часть своего прошлого.

Теперь кукла сидела, чинно прислонившись к подушке, будто только и ждала этого возвращения. Её платье было безупречно отглажено, синтетические волосы расчесаны волосок к волоску. Складка на юбке – идеально ровная линия. На коленях куклы лежал крошечный конверт из тяжелой, дорогой бумаги.

Лизу сначала бросило в жар, а в следующую секунду внутренности словно сковало льдом. Почти не дыша, она сделала два шага и сорвала конверт с колен Мамы Анны. Ни имени, ни адреса. Внутри – один листок. Четкий, стерильный компьютерный шрифт. Одно предложение: «Ты так и не выпила то лекарство, которое она тебе оставила на ночь. Почему?»

Пальцы Лизы разжались. Листок, качнувшись в воздухе, бесшумно скользнул по одеялу на пол. Она отшатнулась, больно ударившись плечом о косяк, но не почувствовала боли. В ушах зашумело.

Этого не мог знать никто. Это была её личная, запертая на все замки память о той ночи. Ночи, после которой всё закончилось.

Воздух стал неподъемным. Он давил на виски, выбивая кислород из легких. Кто-то не просто вошел в её дом – кто-то вошел в её голову, в ту самую ячейку памяти, которую она зацементировала годами.

Кто-то был здесь. Кто-то, кто рылся в её прошлом, как в корзине с грязным бельем, вытаскивая на свет самое постыдное и забытое, чтобы теперь развесить это перед ней.

Лиза резко обернулась, вглядываясь в черную пасть коридора. Тишина больше не была пустой – она звенела, натягиваясь, как струна, готовящаяся лопнуть и хлестнуть по лицу. Лиза почти видела, как в этой темноте плавают ча-стички пыли, потревоженные чьим-то дыханием.

И в этот момент из прихожей донесся звук.

Сухой, отчетливый щелчок замка.

Металл вошел в паз с тем самым сытым причмокиванием, которое означает только одно: дверь закрыта изнутри. На ключ.

Сердце Лизы совершило кульбит и замерло, провалившись куда-то в живот. Она не была одна. Тот, кто вошел через окно, не ушел. Он просто ждал, пока она найдет письмо.

Теперь он запер её внутри – не просто в квартире, а в ловушке той самой ночи, из которой она так и не выбралась.

Глава 2. Гость

Звук был коротким, сухим. Не скрип и не стук – именно щелчок провернувшегося язычка. Кто-то вошел. Или закрыл её внутри.

Застыв посреди коридора, Лиза чувствовала, как кровь тяжелыми толчками бьет в виски. Пульс стал таким громким, что казался посторонним шумом. На стене мелькнул силуэт. Она резко обернулась – только тень от шторы. Но сердце уже колотилось, как пойманная птица. Ждала шагов, голоса, грохота... Но квартира ответила мертвой, вакуумной тишиной.

«Нервы», – прорывалась в голове навязчивая, спасительная мысль. – «Это просто физика. Стресс. Окно, старая кукла... Ты сама себя накрутила». Нужно было проверить. Просто коснуться двери, чтобы убедиться – она заперта.

Лиза двинулась к прихожей, почти не дыша и чувствуя спиной каждый метр пустого пространства за собой. Верхний замок – заперт. Нижний... Нижний был задвинут. Именно так, как она сделала утром. Дверь не поддавалась, оставшись монолитной.

Значит, никто не выходил. Но щелчок был настоящим.

Второй обход она провела уже со светом, агрессивно щелкая выключателями. В шкафу – только пальто. За шторой в гостиной – пустота. На кухне чашка, помытая вчера, стояла на сушилке. Но ручка... Она всегда ставила её к стене. Всегда. Сейчас ручка смотрела прямо на неё, словно указывающий палец.

Лиза медленно, с каким-то болезненным упрямством переставила чашку. Ручкой к стене. Теперь мир снова был правильным.

Она набрала воды в чайник, поставила на плиту. И в шуме наполняющейся воды поймала его – мягкий, деликатный скрип. Кто-то в прихожей перенес вес с одной ноги на другую, стоя на старом ворсистом коврикe.

Лиза выключила газ. Тишина обрушилась на неё, как бетонная плита.

– Кто здесь? – голос был тонким, чужим, он надломился на втором слове.

Ответа не последовало.

Пальцы нащупали на столе нож для фруктов. Глупое, короткое лезвие. Лиза заметила: он лежал острием к краю. Она никогда так не бросала ножи – только параллельно разделочной доске, ручкой к себе. Порядок был нарушен везде.

Шаги в прихожей раздались теперь открыто. Неторопливые, уверенные. Тяжелый, размеренный стук каблуков по паркету, без попытки скрыть свой вес.

Дверь на кухню была распахнута. В проеме сначала вытянулась длинная тень, а следом появился человек.

Мужчина. Лет сорока, в темном пальто. Он был похож на соседа, на прохожего, на коллегу – лицо, которое стирается из памяти через секунду. Он не пытался войти, не прятался и не нападал. Просто стоял на пороге, держа руки на виду. В правой, между указательным и средним пальцем, был зажат ключ.

Старый, потертый, со знакомой царапиной на бородке. Точно такой же, как тот, что лежал сейчас в сумке Лизы.

Он назвал её по имени. Не спросил, а просто констатировал факт, будто читал надпись на коробке. Голос был низким, спокойным и до ужаса усталым. – Извини, что пугаю. Мне нужно было убедиться, что ты дома.

– Кто вы? – костяшки пальцев, сжимающих нож, побелели. – Как вы вошли?

– Меня зовут Артем, – он медленно, подчеркнуто мирным жестом положил ключ на тумбу в прихожей. – Я... знал твою маму. Анну Викторовну.

– Убирайтесь.

– Я уйду. Сейчас. – Он не шелохнулся. Его взгляд скользнул по ножу в её руке и вернулся к лицу – без страха или злобы. В глазах читалась странная, почти врачебная внимательность. – Только один вопрос... Ты нашла куклу?

Лиза почувствовала, как в легких закончился воздух.

– Это вы её притащили? – прошипела она.

– Нет, – он качнул головой. – Но я знаю, кто мог это сделать. И знаю, что в конверте было написано про лекарство.

Пол под ногами стал ватным. Лиза привалилась к столешнице, чтобы не упасть.

– Что вам нужно?

– Убедиться, что ты в порядке. – Артем сделал крошечный шаг назад, увеличивая дистанцию. Все его движения были плавными, почти гипнотическими. – И предупредить. Не всё, что ты помнишь о той ночи – правда. Кто-то очень хочет, чтобы ты вспомнила её иначе.

Он уже развернулся к выходу, но на мгновение задержал взгляд на чашке. На той самой, которую Лиза только что переставила. В этой секундной паузе проскользнуло нечто пугающее – понимание. Словно он знал её ритуал.

– Запри дверь, – тихо бросил он через плечо. – Сразу за мной.

Он вышел. В тишине подъезда снова щелкнул замок – снаружи.

Лиза бросилась в прихожую, провернула все задвижки и прижалась лбом к холодному дереву, вслушиваясь в удаляющиеся шаги. Дыхание было рваным, в горле пересохло.

Она вернулась на кухню на негнущихся ногах, движимая одной-единственной целью – увидеть порядок. Но чашка снова стояла неправильно.

Ручкой в комнату. Как вызов. Как ухмылка.

Лиза замерла. Внутри всё заledenело. Она ведь только что, минуту назад, поставила её ручкой к стене. Или нет? Может, она только потянулась к ней, но Артем отвлек её своим вопросом?

Дрожащими руками она схватила чашку, до боли в пальцах вытерла её полотенцем, хотя та была сухой, и с силой втиснула обратно в пазы сушилki. Ручкой к стене. Идеально ровно.

Порядок был восстановлен. Но тревога теперь не просто висела в воздухе – она просочилась в саму Лизу, как яд, медленно растворяющий память.

Глава 3. Трещины

Чай остыл, нетронутый. Лиза сидела за кухонным столом, уставившись в тем-ный квадрат окна, где отражалась её бледная, почти прозрачная тень. Рутинa не сработала. Мытье пола, протираание пыли, перестановка книг по алфавиту – обычно это помогало, выстраивало мир в стройные ряды. Сегодня ряды упрямо расползались, как живые.

Она украдкой взглянула на сушилку. Чашка стояла правильно. Ручкой к стене. Лиза только что натерла её до скрипа, и теперь кожа на пальцах горела от сухости. Но в памяти всплывала та же чашка утром – повернутая иначе. И вчера вечером. И позавчера? Она не могла вспомнить. Могла ли она сама, на автомате, ставить её по-разному? В состоянии этого вечного стресса, в вязком тумане после похорон?

«Не всё, что ты помнишь о той ночи, – правда».

Слова Артема висели в тишине, как тяжелый, застоявшийся дым. Лиза попробовала сглотнуть – в горле было сухо и колюче. Какая еще «неправда»? Она помнила всё пугающе четко. Ту свинцовую тишину в доме. Маму, ставящую стакан с водой и две белые таблетки на её ночной столик.

– Чтобы лучше спалось, дочка, – голос матери тогда звучал как шелест сухой травы.

Лиза помнила, как смотрела на эти таблетки, чувствуя, как комок страха подкатывает к горлу. Помнила, как спустила их в унитаз, а воду выпила, чтобы мама услышала глоток. Она была уверена в этом. Она видела их на дне фаянсовой чаши за секунду до того, как нажала на спуск.

А на утро... На утро случилось То. Событие, которое стерло все остальные детали, оставив только чувство – всепоглощающий, ледяной ужас.

Но что было между? Пауза между шумом воды в трубах и первым криком рассвета? Там был сон? Или не сон? В памяти зияла черная дыра. Каждый раз, когда Лиза пыталась заглянуть в неё, в затылке начинало пульсировать, а во рту появлялся металлический привкус крови. Словно её мозг поставил на те не-сколько часов колючую проволоку.

Она вдруг осознала: она помнит, как вылила воду. Но она совершенно не помнит, как оказалась в своей постели.

Встав, чтобы выплеснуть остывший чай, Лиза задела книгу на краю стола – сборник Ахматовой, мамин. Том глухо ударился о паркет, раскрывшись посередине. Лиза наклонилась и замерла, не дотянувшись до пола считанных сантиметров. На развороте, прямо поверх стро-чек, лежала засушенная фиалка.

Мама обожала этот ритуал – оставлять цветы в книгах. Но Лиза знала этот сборник наизусть. Неделью назад она перелистывала его, вытирая пыль, и страницы были пустыми. Чистыми.

Кто-то положил цветок совсем недавно. Труп растения выглядел на бумаге как бурое пятно крови.

Паники не было. Вместо неё пришла ледяная, выжигающая злость. Артем. Ключ, кукла, теперь эта фиалка... Он просачивается в её жизнь, как плесень, оставляя свои метки. «Я помню твою мать». «Я знаю о тебе всё».

Она брезгливо взяла фиалку за хрупкий стебель и швырнула в мусорное ведро. Книгу вернула на полку. Корешком наружу, идеально ровно, в одну линию с остальными. Порядок. Маленькая победа над хаосом.

Но сомнение уже пустило корень, холодный и живучий. А что, если Артем – лишь вер-хушка? Старый ключ... их могло быть три, четыре. У соседки снизу, которая в ту ночь вне-запно «оглохла»? Или у кого-то еще, чье имя Лиза запретила себе вспоминать?

Она подошла к окну и резко отдернула край плотной шторы. Двор за стеклом казался вырезанным из черной бумаги. Мигающий фонарь у арки отбрасывал рваные тени, заставляя асфальт «дышать».

И там, в глубине арки, Лиза увидела его.

Высокая фигура в темном пальто. Артем. Он не прятался, не пытался слиться со стеной. Он стоял прямо под светом, подняв голову к её окнам. Его лицо оставалось неразличимым пятном, но Лиза кожей чувствовала этот взгляд. Тяжелый. Оценивающий. Словно он ждал, когда фиалка будет найдена.

Лиза резко отпустила штору, словно та была раскалена. Сердце колотилось уже не от страха, а от бессильной ярости. Он наблюдает. Он расставляет декорации. Зачем ему эти игры с куклами и сухими цветами? Свести её с ума? Выдавить из квартиры? Или заставить признаться в чем-то, чего она не совершала?

Вернувшись на кухню, она заставила себя посмотреть на блок с ножами.

Фруктовый нож лежал на месте. Но не параллельно доске, как она его оставила. Он лежал под углом, указывая острием прямо на окно. На то самое место, где внизу, в серой арке, застыл Артем.

Её прошиб холодный пот. Чтобы положить нож под таким углом, нужно было знать, где она будет стоять. Нужно было рассчитать траекторию её взгляда.

– Хватит, – выдохнула она в пустоту.

Она выдернула нож из блока и швырнула в раковину. Звон стали о фаянс показался оглушительным, почти непристойным в этой затаившейся квартире. Схватившись за край стола, Лиза дышала часто и мелко. Так нельзя. Если она даст ему победить в этой мелкой войне за порядок, она рассыплется.

«Допустим, он прав. Допустим, я что-то забыла. Но что может быть страшнее того утра?»

Ответа не было. Только назойливый, ритмичный звук.

Кап. Кап. Кап.

Лиза вскинула голову. Кран. Она лично затягивала его до упора, когда мыла чашку. Она знала это так же четко, как свою фамилию.

Она подошла к раковине. Из носика крана медленно выбухала тяжелая капля и с тихим стуком разбилась о лезвие брошенного ножа.

Лиза протянула руку, чтобы закрутить вентиль, но тот не поддался – он был затянут до предела. А вода продолжала идти. Словно сам дом начал потеть от страха.

Она не стала вытирать воду. Она просто выключила свет на кухне, оставив нож лежать в мокрой раковине. В темноте звук капель стал похож на шаги.

Погасив свет на кухне, Лиза двинулась в спальню, стараясь смотреть только перед собой. Но, проходя мимо полки, всё же не выдержала – скользнула взглядом по корешкам. Книга Ахматовой стояла на месте. Но ей показалось – или она знала? – что корешок выдвинут на миллиметр вперед. Едва заметный выступ, нарушающий безупречную линию.

Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и прошла мимо. Не сейчас. Завтра. Завтра она всё проверит. Завтра она вернет себе власть над этим домом.

Но, ложась в постель и натягивая одеяло до самого подбородка, Лиза уже знала: завтра найдется что-то еще. Какая-нибудь ядовитая мелочь. Сдвинутая на полсантиметра ваза. Повернутая другим боком фотография матери. Этот тихий, методичный саботаж будет продолжаться, пока от её уверенности не останется горстка пепла.

Кто-то долго наблюдал за ней. Изучал её страсть к симметрии, её одержимость деталями. Кто-то превратил её главный защитный механизм в ловушку.

И в густой темноте спальни, под мерный, сводящий с ума аккомпанемент капающей на кухне воды, всплыл вопрос. Он был страшнее, чем «кто это?» или «как он вошел?».

Зачем ему нужно, чтобы я перестала верить собственным глазам?

Где-то внизу, под окнами, мигал фонарь, и Лиза знала – Артем всё еще там. Ждет, когда семена сомнения дадут первые всходы.

Глава 4. Бумага

Утро началось с молчаливого противостояния с дверью. Лиза купила но-вый замок – тяжёлую, блестящую цилиндрическую личинку, которая всем своим видом обещала неприступность. Установка заняла полчаса. Звук вкручивающихся шурупов был твёрдым, решительным, почти агрессивным. Каждый скрежет металла, каждый щелчок нового ключа в механизме отдавался в ней чувством крошечной, но ощутимой победы.

Теперь войти смогу только я.

Она положила оба ключа – старый, отданный Артёмом, и новый – в мамину шкатулку на комод и прикрыла крышку. Лиза задержала руку на прохладной лакированной поверхности, представляя, как Артём, войдя сюда снова, увидит это место. Он поймёт, что старый ключ теперь бесполезен.

Победа требовала закрепления. Нужно было действовать, а не реагировать. Лиза решила провести ревизию. Не уборку, а расследование. Мать была педантична – она могла оставить следы. Об Артёме. О том, что происходило тогда.

Она начала с самого очевидного – с маминого секретера в углу гостиной. Старый, пахнущий лавандой и пыльной бумагой. Верхний ящик: счета, квитанции, гарантийные талоны на давно сломанную технику. Ничего. Средний: альбомы с фотографиями, открытки. Листала быстро – улыбающиеся лица, пейзажи, она маленькая с бантами. Ни одного незнакомого мужчины. Никого похожего на Артёма.

Нижний ящик задал. Лиза дёрнула сильнее, и он выдвинулся с сухим треском. Там лежала папка с надписью «Здоровье». Сердце болезненно сжалось, отдаваясь металлическим стуком в висках.

Внутри – аккуратные подборки. Выписки из поликлиники, рецепты, результаты анализов. Мама коллекционировала свои болезни с той же тщательностью, с какой Лиза расставляла книги. Лиза механически пролистывала листы. Глаза выхватывали знакомые слова: «гипертония», «остеохондроз». Годы, месяцы. Она приближалась к той дате. К последнему году.

И нашла.

Это была не официальная выписка, а листок в клетку, вырванный из блокнота. Сверху – синий штамп частной клиники «Неврон», которую Лиза не знала. Внизу – несколько строчек от руки. Не маминым почерком. Чужим, размашистым.

Пациент: А. В. Семёнова (мать)

Дата: 17.10.2022

Консультация.

Жалобы на повышенную тревожность, бессонницу. Отмечает напряжённость в отношениях с дочерью (Л., 29 л.), проживающей совместно. Со стороны дочери – эпизоды нестабильного поведения, вспышки агрессии на бытовой почве. Пациентка опасается эскалации.

Объективно: Ориентирована полностью, критичность сохранена. Аффект тревожный.

Рекомендовано: семейная терапия, наблюдение.

Подпись: А. С.

Лиза читала, чувствуя, как буквы начинают плыть и двоиться. В ушах зашумело.

«Агрессия на бытовой почве».

«Эпизоды нестабильного поведения».

«Опасается эскалации».

Каждое слово било, как молоток по стеклу. Они не стыковались ни с чем. Ни с её собственной памятью о себе как о терпеливой, вечно виноватой дочери, ни с образом матери как источника тихого, удушающего давления. Мама... боялась её?

Лиза перевела взгляд на подпись. А. С.

Артём? Артём С...?

Она посмотрела на свои руки. Пальцы мелко дрожали, сминая край пожелтевшего листка. Если это правда, то вся её версия «той ночи» – лишь удобная декорация, скрывающая что-то по-настоящему чудовищное.

И тогда, сквозь нарастающий шум в ушах, пробилась другая мысль – холодная и чёткая. Дата. Семнадцатое октября. Всего за три недели до того утра. Мама ходила к врачу и рассказывала о ней. О ней как об источнике постоянной, тлеющей угрозы.

Почему она молчала? Почему не предложила эту самую «семейную терапию», а просто ставила стакан с водой и белые таблетки на ночной столик? Пыталась ли она её лечить или... просто хотела «выключить»?

Лиза опустила листок на колени. Её взгляд медленно пополз по комнате, ощупывая каждый угол. По идеально заправленной постели, по книгам, выстроенным в безупречную линию, по крошечной пылинке у плинтуса, которую немедленно хотелось растереть пальцем. Этот порядок, её крепость, её единственный способ выжить – в отчёте назывался «напряжённостью». Её ритуалы – «нестабильностью». Её ледяной страх – «агрессией».

Она поднялась на негнущихся ногах и подошла к зеркалу в прихожей. Из глубины амальгамы на неё смотрело бледное существо с тёмными провалами глаз и слишком внимательным, хищным взглядом. Взглядом человека, который ищет трещину в стене, кривизну на полке, пятно на совести. И всегда находит.

«Ориентирована полностью, критичность сохранена».

Если мать была в здравом уме, если её память не подводила... значит, её страх имел под собой твёрдую почву. Значит, чудовищем в этой квартире была не она.

А сама Лиза.

– Нет, – прошептала она, и её отражение повторило это движение губ с едва заметным опозданием. – Это ложь. Это его сценарий.

Мысль ударила наотмашь. Это манипуляция. Артём сам написал эту бумагу или подбросил её, чтобы взломать меня изнутри. Это идеальный план чтобы я собственноручно подписала себе приговор. Заставить жертву верить, что она и есть убийца.

Лиза рванулась к шкатулке, где оставила ключи. Ей нужно было коснуться чего-то реального, нового, своего. Она откинула крышку, и сердце пропустило удар.

Нового ключа в шкатулке не было.

Там лежали только старый, исцарапанный ключ Артёма и од-на-единственная белая таблетка, которой там точно не могло быть минуту назад. Таблетка блестела под светом, будто покрытая тонким слоем лака. Лиза подняла её, поднесла к глазам. На поверхности виднелся едва различимый оттиск – крошечная буква «N». Клиника «Неврон»? Или просто совпадение?

Она вернулась в гостиную, схватила листок из клиники чтобы смять его, разорвать в клочья. Но пальцы застыли. Это было доказательство. Доказательство чего-то важного. Его подлинности или его искусной, чудовищной лжи. Выбросив его, она уничтожит единственную зацепку.

Сдавленно выдохнув, она аккуратно сложила бумагу. Разгладила складки ногтем, заметила: на обороте листка – слабый след карандаша. Будто кто-то сначала написал, что-то другое, а потом стёр и переписал поверх. Что? Имя? Да-ту?

Не успев рассмотреть, Лиза услышала тихий скрип – как будто кто-то провёл ногтем по деревянной панели секретера. Она резко обернулась. Пусто. Но в зеркале, висевшем напротив, на миг отразилась тень – высокая фигура в тёмном пальто. Артём? Или её воображение, уже не различающее реальность?

Дрожащими руками она спрятала папку в самый дальний, тёмный угол секретера. Не выбросила. Сохранила. Как сохраняют улику, которую боятся и на которую молятся одновременно.

Потом подошла к окну. Двор был пуст. Никакого Артёма. Но теперь его невидимое, липкое присутствие ощущалось в каждой молекуле воздуха. Он не просто сталкер. Он был связан с матерью. Он знал её версию событий. Версию, в которой Лиза выглядела монстром.

Она обхватила себя руками, чувствуя холод собственных предплечий, но знала, что холод идёт изнутри, со дна души, где теперь зияла пустота, выеденная сомнением.

Вопрос теперь звучал не «Что он хочет?», а «Чью правду он охраняет?».

И последний вопрос – тихий, едва различимый, но ледяной – прозвучал уже как приговор:

А что, если это не его версия правды? Что, если это просто... правда? И я – та, кого на самом деле стоит бояться?

Где-то на кухне мерно капала вода. Кап.

Лиза прислушалась. Кап.

Но на этот раз звук не совпадал с ритмом её пульса. Он был... медленнее. Будто в квартире появились два источника звука. Или это её слух, как и разум, начал расщепляться?

Она закрыла глаза, пытаясь сосчитать удары сердца.

Один.

Два.

Три.

И за ними, точно в такт, всё так же отчётливо – кап... кап...

Первый звук был внутри неё. Второй – где-то в другом конце тишины. В доме, который уже больше не был её крепостью, а превратился в капкан, где она сама могла быть и жертвой, и пружиной.

Глава 5. Провал

Контроль начинался с ключей. Два новых, от нового замка, лежали на ладони – холодные, острые по краям, пахнущие металлом и безопасностью. Лиза пересчитала их. Один, два. Положила в мамину шкатулку. Закрыла крышку. Щелчок был твёрдым и окончательным.

Она обошла квартиру, как капитан корабля перед штормом. Книжки – ко-решки в линию. Подушки на диване – симметрично. Ножи в блоке – параллельно. Чашка на сушилке – ручкой к стене. Она смотрела на каждый предмет, мысленно ставя галочку: нормально, под контролем, моё.

Пока пространство в порядке – с ней всё в порядке. Это было железное правило. Её щит против того листка из папки «Здоровье», против подписи «А. С.», против слов «агрессия» и «нестабильность». Это была клевета. Манипуляция. Артём вбрасывал яд, а она выводила его уборкой.

Звонок заставил вздрогнуть. Не с телефона, а с домофона. Резкий, неумолимый.

– Кто? – голос прозвучал хрипло.

– Управляющая компания, – ответил женский голос, безличный. – По поводу заявки.

Лиза нажала кнопку, впуская. Через минуту в дверь постучали. На пороге – пожилая женщина в синем халате, с папкой.

– Семёнова?

– Да.

– Вы подавали заявку на внеплановую замену замка в квартире 12?

Лиза кивнула:

– Да, сегодня утром. Я... мне нужно было.

– Понятно, – женщина что-то отметила в бланке. – Только уточняю: вы собственник? Потому что по данным у нас собственник – Анна Викторовна Семёнова. Она ваша...

– Мать. Она умерла, – резко сказала Лиза. – Я наследница. Документы в процессе.

Женщина посмотрела на неё поверх очков, взгляд был не злым, но дотошным.

– Процесс-процессом, а у нас порядок. Вы уверены, что имеете право менять замки без согласования с другими наследниками? Или, может, там ещё кто прописан?

Вопрос был бюрократическим, обычным. Но он прозвучал как обвинение. «Вы уверены?» Уверена ли она в своём праве здесь находиться? В своём праве что-либо менять?

– Никого нет, – выдавила Лиза. – Только я.

– Ладно, – женщина протянула ей копию заявки. – Распишитесь за уведомление. И на всякий случай... если будут вопросы от нотариуса или ещё от кого – это не ко мне.

Лиза машинально расписалась. Дверь закрылась. Она стояла, прижавшись лбом к холодному дереву, слушая, как шаги затихают внизу. «Вы уверены?» Эхо этого вопроса пульсировало в висках.

Ей нужно было отвлечься. Сходить в магазин. Купить хлеба, молока. Простые действия. Она надела пальто, проверила ключи в кармане (один, два), вышла, щёлкнула новым замком. Звук был громким и одиноким.

Она помнила, как спускалась по лестнице. Помнила серый свет в подъезде. Помнила, как толкнула тяжёлую дверь в парадную.

А потом – провал.

Не обморок. Не темнота. Просто... скачок. Как будто кто-то вырезал кусок плёнки и склеил концы.

Она стояла не у парадной, а в глубине двора, у мусорных контейнеров. В руках был не пакет для покупок, а маленький, потрёпанный блокнот в кожаном переплёте. Мамин дневник.

Тот самый, который она искала неделю назад и не нашла. Он был холодным и чуть влажным, будто пролежал на земле.

Лиза огляделась. Как она здесь оказалась? Она же шла в магазин. Она помнила выход из подъезда. И больше – ничего. Ни мысли о дневнике, ни решения повернуть во двор. Просто разрыв. Провал во времени длиной в... Она посмотрела на часы. Пятнадцать минут.

Сердце застучало глухо, как барабан под землёй. Она судорожно сунула дневник во внутренний карман пальто и почти побежала обратно. Поднялась по лестнице, руки дрожали, ключ долго не попадал в замочную скважину.

В квартире пахло тишиной. Её тишиной. Она заперла дверь на все замки, прислонилась к ней спиной и медленно соскользнула на пол.

Что только что произошло?

Стресс. Паническая атака. Диссоциация. Она где-то читала эти слова. Это случается. От переутомления, горя, травмы. Да. Это объяснение. Рациональное.

Она встала, сняла пальто. Блокнот выпал на паркет с мягким стуком. Лиза подняла его, не глядя отнесла в гостиную, положила на секретер, рядом с папкой «Здоровье». Не сейчас. Позже.

Она пошла на кухню, чтобы налить воды. И замерла.

На чистой, вытертой насухо столешнице лежал фруктовый нож. Тот самый, маленький. Он лежал не в блоке. Он лежал рядом с разделочной доской, параллельно её краю. А на самой доске, ровно по центру, лежало яблоко. Одно-единственное, идеально круглое, с глянцевой красной кожурой. Она не покупала яблоки сегодня. Не помнила, чтобы они вообще были в доме.

Она подошла ближе. Яблоко было чистым, сухим. Нож лежал остриём от неё, ручкой к ней – правильное, безопасное положение. Как будто кто-то приготовил всё для того, чтобы она просто взяла и отрезала себе ломтик.

Кто-то. Или она сама.

В провале. В те самые пятнадцать минут.

В голове зазвучал холодный, отстранённый голос: «Ты не помнишь, потому что это сделала другая ты. Та, что живёт в провалах. Та, что видит то, чего не видишь ты.»

Рационализация треснула. Усталостью такого не объяснишь. Это было целенаправленное, осмысленное действие. Пусть мелкое. Пусть безобидное. Но действие, след которого она видела, а причины – нет.

Она медленно взяла нож. Металл был холодным. Она посмотрела на своё отражение в полированном лезвии – искажённое, растянутое в гримасе.

И поймала себя на мысли, странной и леденящей: это удобно. Яблоко тут, нож тут. Не нужно искать, не нужно решать. Всё приготовлено. Как будто её будущее «я» позаботилось о её нынешнем «я». Как будто другая Лиза, та, что живёт в провалах памяти, пытается ей помочь. Или... подстроить ловушку.

Она резко воткнула нож в яблоко. Лезвие вошло с глухим хрустом, прошло насквозь и упёрлось в доску.

Лиза отшатнулась, глядя на зияющую рану в глянцевой коже. Сок медленно выступил каплей и растёкся по дереву.

Если бы она не знала, что это сделала она сама, она бы подумала, что это сделал кто-то очень внимательный. И очень похожий на неё. Точь-в-точь как она.

Вдруг в дверь постучали.

Три коротких удара.

Лиза замерла. Никто не приходил к ней без предупреждения. Даже почтальон оставлял извещения в ящике.

– Лиза, вы дома? – женский голос из-за двери звучал приглушённо, но отчётливо. – Это Марина из квартиры 14.

Марина. Соседка сверху. Лиза знала её только в лицо – пожилая, сухопарая, всегда в вязаной кофте и с папкой газет под мышкой. Они обменивались кивками в подъезде, но никогда не разговаривали.

– Что вам нужно? – Лиза не двинулась с места.

– Я видела вас во дворе, – голос стал чуть громче, будто женщина придвинулась ближе к двери. – У контейнеров. Вы ходили кругами, будто что-то искали. Я хотела окликнуть, но вы резко свернули за угол.

Лиза сжала край столешницы. Ходила кругами. Это не укладывалось в её воспоминания о провале. Ходила?

– Вы уверены, что это была я? – спросила она, не открывая двери.

– Конечно уверена. Вы в том же пальто, что и сейчас. И волосы... вы их поправляли, вот так, – соседка изобразила жест: провела рукой по виску, словно убирая выбившуюся прядь.

Точно так, как делала Лиза, когда нервничала. Секретный жест.

– Может, вам стоит обратиться к врачу? – голос Марины смягчился, но в нём сквозила настойчивость. – Вы выглядели... потерянной.

– Я в порядке, – отрезала Лиза, и её собственный голос прозвучал плоским, как картон. – Спасибо за беспокойство.

– Как знаете, – пауза. – Но если понадобится помощь... я всегда дома после пяти.

Шаги затихли. Лиза стояла, не дыша, пока не щёлкнул замок в квартире соседки.

Она видела.

Но как? Двор казался пустым. Или пустым для неё?

И почему Марина описала её жест? Тот, который Лиза никогда не демонстрировала публично. Тот, который она считала своей тайной, своим тиком, видимым только в зеркале.

Кнопка паники в мозгу нажалась сама. Это могло означать только одно: в те пятнадцать минут «другая» Лиза не просто блуждала. Она была видима для других. Она действовала. И за ней наблюдали.

Не только Артём.

Всё вокруг начинает за ней наблюдать.

Глава 6. Запись

Утро было серым и разбитым.

Лиза проснулась от собственного крика, зажатого в горле. Рука автоматически потянулась к телефону. Экран светился в темноте.

4:17.

История звонков. Пусто. Сообщения. Пусто. Галерея.

Она пролистала. Пейзажи. Старые селфи. И... новое. Сверху, сделанное в 23:08. Вчера вечером.

Она его не помнила.

На снимке – потолок её комнаты. Размытый, смазанный, будто телефон упал. И на краю кадра – часть её руки. Кисть лежит ладонью вверх, пальцы слегка согнуты. Расслабленно. Как у спящей.

Она не спала в одиннадцать. Она металась по квартире, слушала тишину. Она бы вспомнила щелчок затвора.

Значит, не вспомнила.

Она удалила снимок. Палец дрожал.

В 8:34 пришло сообщение. Неизвестный номер.

«В 23:05 ты была в спальне. Ты смотрела на телефон, но не видела экран. Ты думала о яблоке. О том, какое оно твёрдое. Это нормально. Ты всегда об этом думаешь в такие моменты».

Лиза вжалась в спинку стула. Воздух стал густым.

Он знал. Точное время. Мысли, которые были не мыслями, а ощущением – да, кожей под ногтем, холодной плотностью.

Она не ответила. Стерла сообщение. Справилась.

Нужны были факты. Не его. Её.

Она взяла мамин дневник. Коричневая кожа, потрескавшаяся. Открыла наугад.

Почерк был знакомым, но торопливым.

«17 марта. Опять. Л. весь вечер была спокойна. Читала. Потом встала и пошла на кухню. Не ответила, когда я позвала. Вернулась через 20 минут. Сказала, что хотела чаю. Чайника не включала. В руке – нож. Не помнит. Говорит, что я всё выдумываю. Страшно».

Лиза перевернула страницу. Другой месяц, другой год.

«3 октября. Л. разбила лампу. Не помнит как. Говорит, что это я. А. говорит, нужно наблюдать. Фиксировать».

«12 января. Прогулка. Л. остановилась у реки. Смотрела на лёд долго. Слишком долго. Потом повернулась и улыбнулась. Спросила, не холодно ли мне. Будто ничего не было. А. говорит, это диссоциация. Защита».

На каждой странице с такими записями – в углу маленькая чёрная точка. Аккуратная, как от шила. Метка.

Мама не просто боялась. Она вела досье.

Лиза швырнула дневник на диван. Её тошнило.

Нужен был эксперимент. Чёткий. Неопровержимый.

Она взяла листок. Красным маркером, крупно, написала:

«Я ВСЕ ПОНЯЛА. 11:45»

Потом сфотографировала листок на фоне книжной полки. Отправила снимок сама себе на почту. Дату и время в метаданных не подделать. Положила листок на середину кухонного стола. Рядом поставила маленькое фигурное стеклянное яйцо – пресс-папье мамы. Положила его строго слева от листка.

Она не будет его трогать. Посмотрит, что будет.

Села напротив. Смотрела.

Часы пробили полдень.

Она моргнула. Всего раз.

Листок лежал на том же месте.

Но стеклянное яйцо было теперь справа.

Она вскочила. Проверила пол вокруг. Ничего. Ни звука. Ни сквозняка. Окна закрыты.

Она посмотрела на свои руки. Чистые.

Потом на листок. Надпись та же. А под ней, тем же красным маркером, другой рукой – нет, её рукой, но угловатой, спешащей – было дописано:

«НЕТ. ЕЩЕ НЕТ».

Лиза отпрянула, как от огня.

Голова гудела. Она схватилась за край стола. Дышала.

Это был её почерк. Она узнавала нажим на букве «Н». Это была она.

В ушах зазвонило.

Она побежала в спальню, упала на колени перед комодом, стала рыться в нижнем ящике. Старые блокноты, конспекты. Она искала доказательство. Любое.

И нашла. Не в блокноте. Под слоем белья лежал старый диктофон. Мамин. Маленький, серебристый.

Она нажала кнопку воспроизведения. Сначала шум, шипение. Потом голос. Её голос. Приглушённый, уставший. Не тот, что в голове. Тот, что из глубины.

«...если ты это слышишь... значит, я опять не успела всё сказать. Не верь ему слепо. Но и себе не верь. Проверь. Записывай. Они... они стираются, как только понимают, что их нашли. Я стараюсь оставлять... знаки. Но меня мало. Нас мало. Главное – помни про лекарство. Оно не для сна. Оно для... тишины. Чтобы они уснули. А я...»

Запись оборвалась. Резко. Тихим щелчком.

Лиза сидела на полу, прижав холодный корпус диктофона к груди. По щеке скатилась слеза. Она её не чувствовала.

В тишине квартиры её собственный голос эхом отдавал в костях.

«...они стираются, как только понимают, что их нашли...»

Кто «они»?

И почему этот голос из прошлого звучал так, будто знал, что она найдёт эту запись именно сегодня? Будто он ждал её в этой самой точке, зная точно, когда её рассудок будет готов услышать правду, которая больше всего похожа на бред?

Вдруг в голове вспыхнула фраза, будто выжженная кислотой: «Это не диссоциация. Это не болезнь. Проверь розетки в спальне. Там микрофон».

Лиза замерла. Это не её мысль. Или её? Она не могла вспомнить, откуда взялась эта команда. Но ноги уже несли её к розетке у кровати. Пальцы дрожали, когда она поддела крышку отвёрткой.

Внутри, среди проводов, блеснуло что-то металлическое. Микроскопическое. Она вытащила предмет – крошечный чёрный чип, едва заметный на ладони.

«Кто поставил? Когда? Мама? Артём? Или... я сама?»

Мысли путались. Если это слежка – значит, кто-то целенаправленно разрушает её разум. Но если она сама установила микрофон... тогда всё ещё хуже.

Она сжала чип в кулаке и подошла к окну. Утро наконец разродилось светом – серым, но настойчивым. Во дворе, у мусорных контейнеров, мелькнул силуэт.

Женщина в тёмном пальто. Та же осанка. Те же движения.

Лиза прищурилась. Расстояние, туман, игра света – но она была уверена: это она. Другая Лиза.

Та подняла голову. На миг их взгляды встретились. Незнакомка улыбнулась – слишком широко, слишком неестественно – и скрылась за углом.

Лиза отшатнулась от окна. Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица.

«Это галлюцинация. Я схожу с ума».

Но чип в руке был холодным. Реальным.

Она подняла зеркало с туалетного столика. Внимательно вгляделась в своё отражение.

Глаза. Её глаза. Карие.

А в памяти – внезапная вспышка: зелёные. Яркие, чужие, как у хищника

Лиза медленно поднесла ладонь к своему лицу.

Отражение сделало то же самое.

И тогда она поняла самое страшное: она не может быть уверена, кто из них сейчас повторяет движения за кем.

А главное – кто из них держит в кулаке микрочип.

Кто из них подслушивал себя.

Глава 7. Наблюдатель

Тишина после записи была не пустой, а густой, как вата, забивающей уши и горло. Она не глушила звуки – она глушила мысли, оставляя только одну: проверь, проверь, проверь.

Лиза ходила по квартире резкими, отрывистыми рывками – поправила диванную подушку, выровняла рамку на стене. Это уже не ритуал успокоения. Это проверка на исправность собственного мира. Могут ли я ещё что-то контролировать? Хруст собственных шагов по паркету казался подозрительным, чу-жим.

Каждый предмет превратился в подследственного. Книга могла быть перемещена. Чашка – повернута. Она поймала себя на том, что фотографирует на телефон угол комнаты перед уходом в ванную. Чтобы сравнить потом. Безумие. Но иного выбора не было. Порядок стал не щитом, а клеткой, прутья которой она ощупывала каждые пять минут, боясь найти люфт.

Солнце садилось, вытягивая из комнат длинные, уродливые тени. В одной из таких теней, в полосе жёлтого, больного света от фонаря, лежал на паркете мамин дневник.

Она не оставляла его там. Она бросила его на диван. На диван.

Лиза замерла. Сердце – раз, два – ударило в тишине так громко, словно билось не в груди, а в самом воздухе, подвешенное на нитке.

И тогда тишина сдалась.

Очень тихий, едва уловимый скрип порвал её, как ножом. Не старый пол – тот скрипел с тоской. Не ветер – тот выл где-то снаружи. Это был звук переноса веса. Человеческий шаг. Оттуда, из прихожей, где тень уже давно съела весь свет.

Она, не дыша, повернула голову. Шея скрипела, как несмазанная петля.

В зеркале в коридоре, в его тёмной, жидкой глубине, мелькнуло движение. Отражение. Человеческая фигура. Стояла у входной двери, растворившись в чёрном прямоугольнике проёма. Не шевелилась.

Артём.

Он был здесь. Внутри. С ней. И он ждал, пока она это поймёт.

Лиза не побежала. Не закричала. Медленно, как во сне, когда ноги вязнут в холодной глине, она пошла навстречу отражению. Каждый шаг отдавался в висках глухим ударом.

Он стоял в дверном проёме между прихожей и гостиной. Не в комнате. На границе. В том же тёмном пальто. Взгляд его был всё тем же – плоским, лишённым всякой рефлексии, будто его глаза были не органами зрения, а просто двумя тёмными объективами, считывающими данные. Руки он держал в карманах пальто, но сквозь ткань угадывалась неестественная скованность плеч, будто он впивался пальцами в подкладку или сжимал там что-то маленькое и твёрдое. Смотрел не на неё, а чуть в сторону, на тумбу, с видом человека, проверяющего, не забыл ли он там перчатки.

– Дверь заперта, – сказала Лиза. Голос был чужим наждачным, будто он царапал горло изнутри.

– Знаю, – ответил он так же тихо, без единой эмоции. – Видел установщика утром. Мужик в синем комбинезоне, курил у подъезда «Беломор». Ты дала ему триста на чай. Он их не взял.

– Как ты вошёл?

Он наконец перевёл на неё взгляд. Взгляд был усталым, не злым. Он потер большой палец об указательный, и Лиза увидела на подушечке кожи едва заметный белый налёт – уличную пыль или краску с откоса. С её подоконника, – пронеслось в голове со стыдливой, обжигающей ясностью. Её пальцы за спиной сами собой вспомнили на ощупь шершавую, облупившуюся краску на раме.

– Ты оставила окно в спальне на микропроветривании, когда проветривала после уборки. В 16:23. Я вошёл в 19:40. Ты была на кухне. Слушала кипящий чайник. До того момента, пока он не выключился сам. Ты всегда так делаешь, когда не хочешь слышать собственные мысли.

От его слов стало физически холодно. Он не угрожал. Он констатировал. Как погоду. Как диагноз.

– Что тебе нужно?

– Убедиться, что ты не стала делать метки на стенах, – он кивнул в сторону гостиной, едва заметным движением подбородка. – И что не пытаешься восстановить ту запись на диктофоне до конца. Там ничего нет. Только шум и... твоё дыхание. Ты дышала в тот момент часто. Как сейчас.

Лиза почувствовала, как по спине пробежали ледяные мурашки, сливаясь в одну сплошную дрожь.

– Ты слушал...

– Я знаю, что там. Потому что отдал ей этот диктофон. Анне Викторовне. Для... фиксации. Она боялась, что ты его найдёшь и неправильно поймёшь. Или поймёшь слишком правильно.

«Она боялась». Снова. Вечное «она боялась». Эти слова заполнили комнату, как бесцветный ядовитый газ. Он не давал дышать, оседая в легких липкой тревогой.

– Я не тронула стену, – сквозь стиснутые зубы выдавила Лиза. – И запись... Я её удалила.

– Не удалила, – поправил он. – Переместила в скрытую папку.

В 22:17. После того как прослушала её в третий раз. Ты ищешь в шуме закономерность. Её нет. Там только пустота.

Он знал. До минуты. До папки. До количества прослушиваний. Он видел сквозь экран телефона, сквозь черепную кость.

Она отступила на шаг, прижалась спиной к стене. Ощущение ловушки стало физическим – казалось, стены беззвучно сдвинулись на сантиметр.

– Кто ты такой?

– Тот, кто наблюдал, – он сделал короткий шаг назад, уступая пространство. Все его движения были выверены: не спровоцировать, не напугать резкостью. Дрессировщик у клетки. – Сначала за ней. Потом... за тобой.

– По чьему приказу?

– По её просьбе. И по контракту.

Он вынул из внутреннего кармана пальто не ключ, а сложенный вчетверо листок. Бросил его на пол, на середину расстояния между ними.

– Это копия. Оригинал был в её папке «Здоровье». Ты его видела, но не увидела всего. Там, на обороте.

Лиза не наклонилась. Смотрела на бумагу, как на ядовитого паука.

– Что там?

– Подтверждение того, что ты не веришь своим глазам. И расписка. Её расписка. В том, что она осознаёт риски и просит меня продолжить наблюдение в случае... её отсутствия. Физического отсутствия. – Слово «отсутствие» по-висло в воздухе тяжёлым, казённым эвфемизмом, пахнувшим формалином и бю-рокрацией.

– Дай.

– Подними. Прочти. Тогда поймёшь правила игры.

Она не двинулась. Они смотрели друг на друга через полосу паркета и лежащую между ними бумагу. Он не нападал. Он ждал. И в этой паузе было что-то невыносимое.

Внезапно он вздрогнул. Его взгляд резко, с неподдельной скоростью метнулся за её спину, в чёрный зев спальни. Словно он что-то там увидел. Или кого-то. На его лице, этой

бесстрастной маске, впервые мелькнуло что-то кроме усталой сосредоточенности. Напряжённость. Острая, как игла, настороженность. Почти... страх.

Его глаза, прищуренные, не отрывались от точки, где-то у неё за левым плечом. Зрачки сузились, будто от яркого света, хотя в спальне была тьма.

– Не оборачивайся, – тихо, но очень чётко сказал он. Голос стал жёстче, в нём появилась стальная жила приказа. – Слушай меня. Возьми бумагу. Прочти. И помни – ты сейчас не одна в этой комнате. В полном смысле. Их двое.

Холодный пот, острый и солёный, выступил у неё на спине, под тканью футболки. Она не повернула голову. Чувствовала только пустоту за своей спиной.

– Кто? – прошептала она, и губы почти не слушались.

– Не она. И не ты в привычном смысле. Просто... возьми бумагу и сделай шаг вперёд. К свету. Сейчас.

Медленно, не сводя с него широких глаз, она наклонилась. Пальцы замёрзли, стали деревянными. Она подняла листок. Сделала шаг. Теперь она стояла в жёлтом круге света от торшера, а он – в сгущающейся тени дверного проёма, почти неразличимый.

Он кивнул, коротко, будто поставил галочку в отчёте.

– Хорошо. Теперь я уйду. Через окно. Запри его после меня. На все задвижки. И проверь дверь в спальню. Закрой её на ключ. На ночь.

– Почему?

– Потому что сегодня та дата, – сказал он. – Годовщина одного из... самых глубоких провалов. Они в такие дни активнее. Им нравится повторять сценарии. Дословно.

Он развернулся и растворился в темноте прихожей, не издав ни звука. Через мгновение донёсся едва слышный, масляный щелчок – окно в спальне закрывлось, словно его захлопнула невидимая рука.

Лиза стояла, сжимая в ледяных пальцах бумагу. Потом, преодолевая паралич, резко обернулась.

Спальня была пуста. Дверь распахнута. На полу ровно, как по линейке, лежал мамин дневник. Корешком к стене.

Она подбежала, захлопнула дверь в спальню. Повернула ключ. Дрожащими, почти не слушающимися руками развернула листок.

Это была ксерокопия бланка. Сверху – логотип частного агентства «КРИ-ЗИСНЫЙ МОНИТОРИНГ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ». В графе «Клиент» – размашистая, узнаваемая подпись матери. В графе «Объект наблюдения» – её полное имя, дата рождения, номер паспорта. В графе «Основание» – не просто фраза, а приложенный список.

Она пробежала глазами по пунктам, и кровь начала стынуть с каждым словом:

«17.06.22. 03:15. Объект в течение 47 минут стояла у окна в кухне, совершая ритмичные покачивания (амплитуда 10–15 см). На вербальные обращения не реагировала. В правой руке – кухонный нож (тупой). После спонтанного возвращения в комнату нож оставлен в сливном отверстии раковины. Утром объект происшедшего не помнит, обвиняет клиентку в провокации».

«05.09.22. 22:40. Объект во время вечернего чаепития внезапно заявила, что в её чашку “подсыпали память”. Потребовала у клиентки показать ладони. После осмотра (ладони чистые) разразилась истерическим смехом, длившимся 2 минуты 12 секунд. По окончании – полное отсутствие воспоминаний о случившемся, жалобы на головную боль».

Внизу – подпись исполнителя. Неразборчивая закорючка. Но инициалы: А.С. И дата. Ровно год назад.

«...та дата... Годовщина... им нравится повторять сценарии...»

В тишине, за её спиной, из-за закрытой двери спальни донёсся тихий, очень чёткий, материальный звук.

Скрип пружин. Будто кто-то только что с облегчением опустился на мат-рас её кровати.

Лиза замерла, не дыша. В ушах зазвенело, будто в них вставили два тонких лезвия. И вдруг, сквозь панику, она осознала кое-что ещё. Ключ. Ключ от спальни был старый, мамин, с резной деревянной бусиной-шариком. Она только что, минуту назад, повернула его в замке. Бусина тогда смотрела вверх.

А теперь шарик смотрел в другую сторону.

Чётко вниз.

Как будто его провернули обратно.

Изнутри комнаты.

Она отступила на шаг, прижав листок к груди. В голове билась одна мысль: «Он сказал – их двое. Но кто второй?»

Взгляд скользнул по зеркалу в прихожей. В его глубине, едва различимая в полумраке, стояла фигура. Та же осанка. Тот же тёмный силуэт. Но лицо...

Лицо было её.

Только глаза – зелёные. Яркие, чужие.

Лиза подняла руку. Отражение повторило движение. Но с задержкой. На долю секунды. Как будто кто-то учился быть ею.

Она резко обернулась. За спиной – только стена. Никого.

Снова к зеркалу. Отражение исчезло.

«Это не галлюцинация», – прошептала она. – «Это... они».

Листок в руке дрогнул. Она перечитала последний пункт в списке наблюдений:

«23.11.23. 01:07. Объект внезапно заговорил на незнакомом языке (предположительно – латынь). Фразы повторялись трижды. После пробуждения – амнезия. Утверждает, что “видела свет”».

Латынь? Она не знала латыни. Никогда.

Но в памяти, как осколок сна, всплыло:

«Lux... in tenebris... lucet...»

Свет... во тьме... светит...

Она сжала виски. Голова раскалывалась.

«Он ушёл через окно. Значит, нужно проверить подоконник».

На цыпочках, стараясь не шуметь, она подошла к окну. Пальцы коснулись рамы. Холодная. Следов взлома нет. Но в углу, между створкой и откосом, блеснуло что-то металлическое.

Микрочип. Такой же, как тот, что она нашла в розетке.

«Он оставил его. Специально. Чтобы я увидела».

За спиной снова скрипнули пружины.

Лиза резко развернулась. Дверь спальни оставалась запертой. Ключ – в её руке. Но из-под двери пробивалась тонкая полоска света. Жёлтого. Как от настольной лампы.

«Я не включала лампу», – подумала она. – «Я точно её не включала».

Шаг. Ещё один.

Она прижалась ухом к двери. Тишина. Потом – шёпот. Её собственный голос, но с незнакомой интонацией:

«Они думают, что наблюдают. А мы – наблюдаем за ними. Сегодня – наш день. Сегодня мы покажем им, кто здесь хозяин».

Сердце ударило в рёбра. Она подняла руку, чтобы постучать. Или крикнуть. Или выломать дверь.

Но пальцы не слушались.

В зеркале на стене, в самом углу, мелькнул зелёный отблеск.

И тогда она поняла:

Ключ в её руке был не один.

Второй – тот, что лежал на полу у двери – теперь исчез.
А в замке, изнутри, кто-то медленно поворачивал его обратно.

Глава 8. Чужое

Тишина после скрипа была другой. Не пустой, а гулкой, будто дом задержал дыхание и теперь ждал, чем она ответит.

Лиза прилипла спиной к двери спальни. Ладони вдавились в шершавую краску, ноги стали ватными. Она не дышала. Слушала. Внутри черепа стучало: раз-два, раз-два – ровно, методично, как будто кто-то завёл метроном в её грудной клетке.

«Мой дом. Мой замок. Моя дверь».

Мысли бились о череп, как пойманные мухи. Логика, последний оплот, пыталась выстроить баррикаду.

Дверь заперта. Ключ у меня. Никто не мог войти.

Но скрип был. Материальный. Исходил изнутри.

Она медленно, словно разламывая сросшиеся позвонки, отлипла от дерева. Оглянулась. Коридор пуст. Свет от торшера в гостиной отбрасывал на паркет длинную, уродливо растянутую тень – её собственную. Тень не шевелилась.

В кулаке хрустела бумага – расписка, контракт, приговор. Слова всплывали перед глазами с отчётливостью выжженных клеем:

«Кризисный мониторинг... внешний контроль... риск для окружающих...»

И тут ярость накрыла с головой. Не страх – ярость. Горячая, слепая, спасительная. Они все сговорились. Мать с её вечными жалобами. Этот Артём с его усталыми глазами-объективами. Они устроили ей тюрьму из диагнозов, а теперь призраки в спальне стали частью лечебного протокола.

Она рванулась в гостиную, к секретеру. Не шла – понеслась, подошва шлёпала по паркету с неприличным, детским звуком. Пинком ноги – тупой удар по резной ножке. Дерево хрустнуло жалобно. Она вцепилась в ручку ящика, дёрнула на себя, вывернула содержимое на пол. Папка «Здоровье» шлёпнулась и рассыпалась веером бледных листов.

Лиза упала на колени, шаря руками в бумажном хаосе. Не искала – рыла. Выискивала не отчёты, а изъян, подлог, грубый шов в этой изощрённой лжи. Рецепты, анализы, графики давления летели в стороны. Ничего. Только свидетельства чужой, методичной болезни.

Она поднялась. Мир накренился. В висках загудело. Взгляд, ища точку опоры, упал на кухню.

На середине стола, на чистой, ею самой натёртой до скрипа столешнице, лежало яблоко.

Красное. Глянцевое, будто только что натёртое воском. И из его макушки, прямо в сердцевину, уходило лезвие фруктового ножа.

Его не было там. Десять минут назад, когда она обходила квартиру, этого не было. Она бы заметила. Она всегда замечает.

Она подошла, двигаясь как лунатик. Нож торчал под неестественным углом, будто его воткнули с размаху. Вокруг лезвия мякоть успела потемнеть, стать ржаво-коричневой. Окислилась. Значит, оно здесь лежит не меньше часа.

Но его не было.

Мысль, холодная и осторожная: «Провал. Опять. Ты сделала это сама и не помнишь».

Она схватила рукоять. Выдернула лезвие – сочный, влажный хруст. Яблоко расплозлось на две идеально ровные половинки, упало на стол. Внутри одной, среди тёмных семечек, белело что-то чужеродное. Не семечко. Крошечный, свёрнутый в тугой рулончик бумажный цилиндр.

Пинцет из маминой шкатулки дрожал в её пальцах. Она выковыривала находку, будто мину. Развернула.

Бумажка была старой, пожелтевшей по краям. Чернила – синие, выцветшие. Мамин почерк. Корявый, с сильным нажимом. Три слова:

ОНИ ЛЮБЯТ ПОВТОРЯТЬ.

Лиза отшатнулась, будто от удара током. Бумажный клочок выскользнул, упал в лужу липкого сока на столе.

Что любят повторять? Сценарии. Как сказал Артём. «Им нравится повторять сценарии. Дословно».

Кто ОНИ?

Её взгляд, как на магните, потянуло к двери спальни. Дверь была закрыта. Заперта на ключ, который сейчас ждал в кармане её халата.

Именно оттуда был скрип.

Она подошла, приложила ладонь к холодной поверхности. Ничего. Пусто-та. Воображение больной женщины, которую по контракту наблюдали.

Но тогда кто вложил записку в яблоко? Кто мог это сделать, кроме неё са-мой в бессознательном состоянии?

Из прихожей донёсся звук.

Не скрип. Щелчок. Короткий, тупой, металлический. Язычок замка, про-вернувшийся в пазе.

Сердце Лизы просто исчезло, провалившись куда-то в область холодного желудка.

Он вернулся. Артём. Через окно, которое она, обезумев, могла и не проверить.

Она схватила со стола нож. Прижала лезвие к груди. Холод стали просочился через ткань халата, коснулся кожи.

Тишина.

А потом – шаги.

Медленные. Тяжёлые. Не скрывающиеся. Грубые подошвы шаркали по паркету прихожей, приближались по коридору. Это была не лёгкая, кошачья поступь Артёма. Это было что-то другое. Более массивное.

Шаги замерли в трёх метрах от неё, в тёмном провале дверного проёма в коридор.

Лиза повернула голову.

В проёме никого. Только бархатная, почти осязаемая темнота.

Но шаги были. Она слышала их. Ясно.

Слуховые галлюцинации. Очередной срыв. Всё кончено.

Она сделала шаг к проёму, заглянула.

Пустота пахла пылью и старым деревом.

Но на полу, у самого порога её комнаты, лежал мамин дневник. Раскрытый. На той самой странице, отмеченной маленькой, зловещей чёрной точкой. И поперёк строк, поверх старого текста, красным карандашом была нарисована стрела. Жирная, небрежная. Она указывала прямо на дверь спальни.

«Это не я. Я не рисовала. У меня нет красного карандаша».

Она подняла дневник. Страница пахла не просто плесенью. Сладкова-то-терпким, лекарственным запахом. Валерьянкой. Маминой настойкой пустырника.

И из-за двери спальни, будто в ответ на это движение, донёсся новый звук.

Шуршание. Тяжёлое, медленное. Не просто скрип пружин. Это был звук того, как тело ворочается в постели, ищет удобное положение. Потом – вздох. Глубокий, протяжный, полный усталости. Женский вздох.

Мамин вздох. Тот самый, что она слышала тысячи раз за стеной.

Кровь в жилах Лизы превратилась в ледяную суспензию. Мозг отказался верить. Это невозможно. Абсолютно.

Она потянулась к карману халата, где лежал ключ. Пальцы не слушались, были чужими, одеревеневшими.

«Открой. Докажи, что там пусто. Останови это сейчас».

«Нет. Ни в коем случае. Не открывай. Это ловушка».

Шуршание повторилось. Ближе. Будто кто-то сполз с кровати и встал на ноги.

Потом – шаги. Тяжёлые, шаркающие. Босые ступни волочатся по полу. Они сделали два шага, три... подошли к самой двери. Остановились.

Тишина стала плотной, как желе.

Лиза чувствовала присутствие. Не абстрактно. Физически. Через толщу дерева до неё донеслась волна тепла и того самого сладковато-лекарственного запаха. Он висел в воздухе сейчас, смешиваясь с запахом её собственного страха.

Дверная ручка – круглая, латунная – дрогнула.

Кто-то с той стороны взялся за неё.

Лиза отпрыгнула назад, ударившись спиной о противоположную стену. Подняла нож. Лезвие ловило блик света и подрагивало в воздухе.

Ручка медленно, со скрипом, повернулась. Уперлась в засов. Заклинила.

С той стороны послышалось недовольное, нечленораздельное ворчание. Низкое, гортанное.

Затем – удар. Один. Глухой, мощный, будто в дверь упёрлось плечо или бросилось всё тело. Полотно двери вздрогнуло, косяк затрещал.

Лиза вскрикнула – коротко, по-звериному. Бросилась в гостиную, завалилась за спинку дивана, прижалась к полу. Сжала рукоять ножа так, что костяшки побелели.

«Не входи, не входи, не входи, не входи...»

Тишина.

Долгая. Прерывистая, будто кто-то прислушивался. Потом – отход. Те же шаркающие, неспешные шаги. Обратно к кровати Лиза сидела, зарывшись лицом в колени, дышала в ладонь. Тёплый пар согревал кожу. Она жива. Она здесь. Она не там, за дверью.

Прошли минуты. Дыхание выровнялось. Сердце перестало биться о рёбра, опустилось на своё место.

Она подняла голову, выглянула из-за дивана.

На полу перед ней, аккуратно, корешком к стене, лежал дневник. Он был открыт на чистой странице в самом конце.

И на этой странице, свежими, липкими от невысохшей влаги чернилами, было выведено:

ОЧЕРЕДНОЙ СЦЕНАРИЙ ПРОЙДЕН.

ДО СЛЕДУЮЩЕЙ ГОДОВЩИНЫ.

Лиза медленно протянула руку, провела подушечкой пальца по строке. Чернила размазались, оставив синюю, предательскую черту. Она посмотрела на палец, потом на почерк. Наклон букв «л», характерная закорючка «д», слабый нажим в конце строки...

Внутри всё опустело.

Почерк был её. Точь-в-точь.

Она поднялась, пошатываясь. Ноги, налитые тяжестью, едва держали. Подошла к двери спальни, прижалась ухом к дереву. Абсолютная тишина. Ни шуршания, ни вздохов. Даже воздух за дверью казался неподвижным и вымершим. Только гул в её собственных ушах – отголосок паники, которая теперь осела в костях холодной, тяжёлой усталостью.

Ключ в кармане халата казался раскалённым, живым. Она вытащила его, сжала в кулаке так, что металл впился в ладонь. Открыть? Увидеть пустоту и окончательно сойти с ума от облегчения? Или не открывать – и навсегда остаться в плену этого «что, если»?

«Они любят повторять».

«Очередной сценарий пройден».

Фразы бились в висках. Кто пишет подведение итогов? Кто ставит галочку? И почему её рука, её мышцы, её привычки слушаются другого оператора?

Она оглянулась на дневник, лежащий на полу. Его страницы, будто тронутые слабым ветром, тихо шевельнулись и перелистнулись на одну назад. Лиза застыла, наблюдая. Хаос её дыхания был единственным звуком.

И тогда – новый звук. Не отсюда.

Не из спальни. Из кухни.

Тихий, мерный, нарочито спокойный стук. Как будто кто-то, не торопясь, отбивает ритм ложкой по дну фаянсовой чашки. Тук. Пауза. Тук. Пауза. Тук.

Сердце Лизы, только-только затихшее, сорвалось в дикое, беспорядочное галопирование. Этого не может быть. Кухня пуста. Она только что была там, её глаза сканировали каждый сантиметр.

Стук не прекращался. Чёткий. Неумолимый. Тук. Тук. Тук.

Она двинулась по коридору, держа нож перед собой, как щит. Лезвие плясало в воздухе, ловя и дробя отблески света. Каждый её шаг по паркету звучал оглушительно-громко, предательски выдавая её приближение.

Дверь в кухню была приоткрыта ровно настолько, насколько она её оста-вила. Но из-под неё, из щели, пробивалась неестественно ровная, жёлтая полоска света – не от верхней люстры, а от локального источника. От лампы над сто-лом.

Лиза толкнула дверь плечом.

На столе, в круге света под абажуром, там, где минуту назад лежало разрезанное яблоко и лужа сока, теперь стояла чашка. Старая, мамина, с потрескавшейся позолотой и выпцветшими васильками. В ней – до половины – тёмная, почти чёрная жидкость, пахнувшая травами и чем-то горьким. И в чашке, двигаясь сама по себе, поднималась и опускалась серебряная ложка. Та самая, с вензелем бабушки. Она ударялась о дно с тем самым металлическим, методичным лязгом. Тук. Тук. Тук.

Лиза вскрикнула – не от страха, а от яростного, бессильного протеста. Её рука разжалась, нож с грохотом упал на пол, отскочил и закатился под стол.

Звук прекратился.

Чашка вздрогнула. Ложка замерла на середине пути, застыв в воздухе под неестественным углом.

И в этой внезапной, оглушающей тишине, Лиза услышала другой звук. За своей спиной.

Лёгкий, едва уловимый шорох ткани по паркету. Как подол платья, который протащили на пару сантиметров.

Она обернулась. Медленно. Позвонок за позвонком.

В дверном проёме, между кухней и коридором, стояла фигура.

Высокая. Прямая. В длинном, тёмном, до пола платье, которое она узнавала с десяти шагов. Волосы, собранные в былой строгости, но с непослушными прядями седины у висков. Лицо было размыто, будто стёрто временем или слезами, силуэт словно колебался в воздухе. Но глаза...

Глаза были идеально чёткими. Ясные. Сухие. Незнаваемо холодные. И совершенно – мамины.

– Мама?... – выдохнула Лиза, и это слово вырвалось хриплым, детским срывом, которого она стыдилась ещё до того, как оно прозвучало.

Фигура не ответила. Не кивнула. Не изменила выражения. Она лишь мед-ленно, с цере-мониальной чёткостью, подняла руку. Палец, не дрогнув, указал на чашку на столе.

Лиза, повинувшись жесту, перевела взгляд.

На поверхности тёмной жидкости, словно проявляясь на фотобумаге, возникали буквы. Не чернила – тени, сгустки чего-то более тёмного. Они складывались в слова, держались секунду и начинали расплываться, тонуть, чтобы уступить место новым.

ТЫ ДОЛЖНА ПОМНИТЬ.

НЕ ВСЕ СЦЕНАРИИ – ТВОИ.

НАЙДИ ДВЕРЬ.

Последнее слово «ДВЕРЬ» продержалось дольше всех, стало жирным, почти выпуклым, а потом рухнуло вниз, растворившись в хаосе тёмных завихрений. Чашка дрогнула, и жидкость, будто вытолкнутая невидимой силой, хлынула через край. Она растеклась по столу, чёрными, густыми ручейками, и начала тяжело капать на пол. Кап. Кап. Кап.

Лиза рванулась к столу, забыв про призрак. Схватила чашку. Жидкость обожгла пальцы – она была горячее, почти кипятком. Но боль была далёкой, неважной. Она перевернула чашку, тряся её, выливая остатки, втирая ладонью влагу в фаянс, чтобы увидеть...

Там, на дне, снаружи, был выгравирован знак. Маленький, тонкой работы. Переплетённые линии, образующие лабиринт, который замыкался в круг. А в центре круга – точка.

Узнавание ударило, как ток. Она видела этот символ. На корешке маминого дневника, в самом низу. На обороте старых фотографий из архива. Выцарапанным на раме того самого окна в спальне, которое всегда приоткрывалось.

Дверь.

Мысль вспыхнула, ослепив внутренним светом. Не эта дверь, не та, что ведёт в спальню или на лестничную клетку. Другая. Скрытая. Та, о существовании которой её заставили забыть.

Где? Где она? Взгляд, лихорадочный, сканирующий, помчался по кухне. Шкафчики, плита, холодильник – нет. Окно – нет. Пол, потолок...

Стена.

Та, что между кухней и крошечной, давно не используемой кладовкой. Гладкая, обшитая старыми деревянными панелями «под дуб». Ничего примечательного. Кроме... кроме едва заметной, вертикальной линии, где рисунок древесины на одной панели не совпадал с соседней. И горизонтальной – в метре от пола. Прямоугольник. Примерно в рост человека.

Он был здесь всегда. Она смотрела на эту стену тысячи раз. И не видела.

Лиза подбежала, прижалась к панелям. Дерево было ледяным под её пальцами. Она провела ногтем по вертикальному шву. Глубина. Не рисунок – стык. Она вцепилась пальцами в едва выступающий край, с силой потянула на себя.

Раздался глухой, скрипучий звук, будто проснулся давно заржавевший механизм. Панель – нет, целая секция стены – подалась, отошла на несколько сантиметров, открыв узкую, чёрную щель. Из щели потянуло воздухом – спёртым, холодным, пахнущим землёй, камнем и чем-то давно забытым.

И из этой темноты донёсся звук.

Не скрип. Не вздох.

Шёпот.

Тихий, многоголосый, наложенный сам на себя. Как будто десятки, сотни голосов, от детского до старческого, шептали одно и то же слово, растягивая его, вдыхая в него всю свою надежду и отчаяние:

«Поооомнии...»

Лиза отпрянула. Спина ударилась о край стола. Сердце, казалось, вот-вот разорвёт грудную клетку изнутри. Что там? Что ждёт в этом чёрном зеве? Куда ведёт эта дверь, которую мать скрывала, а «они» теперь указывают?

Но посреди этого ужаса, как островок тишины в шторме, прозвучал другой голос. Внутренний. Не её привычный, измученный голос. А твёрдый. Чёт-кий. Решительный. Голос, который знает, что отступления больше нет.

«Ты должна войти. Иначе сценарии будут повторяться. Снова. И снова. До бесконечности. А потом начнётся следующий акт. С новой Лизой. Но дверь будет всё той же.»

Она закрыла глаза. Глубоко, с шумом втянула воздух, в котором теперь смешались запахи дома, травяного отвара и сырости из тайника. Выдохнула. Выпрямила спину.

Открыла глаза.

И шагнула в темноту. Последней мыслью, прежде чем тьма сомкнулась, было: Я сплю. Или меня усыпили?

Глава 9. Сценарии

Тьма приняла её.

Она не упала. Она – растворилась. Исчезло чувство пола под ногами, стен по бокам. Остался только гулкий, пульсирующий звук в ушах – её собственное сердце, или чьё-то ещё? – и тот самый запах: земля, камень, сырость, формалин.

И – бумага. Старая, кислая.

Лиза судорожно вдохнула, и воздух обжёг горло. Она была не в обмороке. Она была здесь. Где бы «здесь» ни было.

Рука, вытянутая вперёд, наткнулась на шершавую, холодную поверхность. Стена. Она прижалась к ней лбом, пытаясь унять головокружение. Потом, шаг за шагом, как слепая, стала двигаться вдоль неё.

Пальцы нащупали выключатель. Старый, круглый, с характерным щелчком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.